

Особенности формирования региональной идентичности харьковских студентов¹

А.А. Мусиездов

В статье рассматриваются теоретико-методологические проблемы социологической интерпретации идентичности. Выделяются типы идентичности. Выявляются особенности региональной идентичности в сравнении с другими видами идентичности. На основе обобщения результатов социологического исследования «Национально-культурная идентичность населения Слободской Украины XVIII – XXI вв.» выявлены характеристики национальной, гражданской и региональной идентичности украинских студентов. Материалы исследования анализируются с помощью корреляционного и факторного анализа.

Ключевые слова: идентичность, типы и виды идентичности, региональная идентичность и её особенности.

У статті розглядаються теоретико-методологічні проблеми соціологічної інтерпретації ідентичності. Виділяються типи ідентичності. Виявляються особливості регіональної ідентичності порівняно з іншими видами ідентичності. На основі узагальнення результатів соціологічного дослідження «Національно-культурна ідентичність населення Слобідської України XVIII – XXI вв.» виявлені характеристики національної, громадянської і регіональної ідентичності українських студентів. Матеріали дослідження аналізуються за допомогою кореляційного і факторного аналізу.

Ключові слова: ідентичність, типи і види ідентичності, регіональна ідентичність і її особливості.

У артыкуле разглядаюцца тэарэтыка-метадалагічныя праблемы сацыялагічнай інтэрпрэтацыі ідэнтычнасці. Вылучаюцца тыпы ідэнтычнасці. Вывіляюцца асаблівасці рэгіянальнай ідэнтычнасці ў параўнанні з іншымі відамі ідэнтычнасці. На аснове абгульнення вынікаў сацыялагічнага даследавання «Нацыянальна-культурная ідэнтычнасць насельніцтва Слабадской Украіны XVIII – XXI ст.» выяўлены характарыстыкі нацыянальнай, грамадзянскай і рэгіянальнай ідэнтычнасці ўкраінскіх студэнтаў. Матэрыялы даследавання аналізуюцца з дапамогай карэляцыйнага і фактарнага аналізу.

Ключавыя словы: ідэнтычнасць, тыпы і віды ідэнтычнасці, рэгіянальная ідэнтычнасць і яе асаблівасці.

The article is devoted to theoretical and methodological problems of a sociological interpretation of identity. Different types of identity are described. Specific features of regional identity are revealed in comparison to other types of identity. On the basis of summarizing the results of sociological research "National-cultural identity of the population of Sloboda Ukraine of the XVIII – XXI centuries" the characteristics of national, civil and regional identity of Ukrainian students are revealed. Research materials are analyzed by means of correlation and factor analysis.

Keywords: identity, types and kinds of identity, regional identity and the singularity.

Если суммировать различные социологические интерпретации идентичности, можно сделать вывод о том, что ее можно рассматривать как минимум в двух аспектах и говорить при этом о *двух типах идентичности*².

Во-первых, идентичности, что наличествуют в общественном сознании (точнее, в представлениях индивидов о социальном пространстве), которые можно назвать номинальными, поскольку (в идеале) они осознаются настолько, что могут быть выражены (и выражаются) в названиях-номинациях. Во-вторых, можно говорить о реальных идентичностях – т.е. о тех позициях, которые определяют различные практики индивидов («практический» аспект социального пространства) – безотносительно к тому, насколько четко они осознаются в пред-

¹ Статья опирается на результаты исследования «Национально-культурная идентичность населения Слободской Украины XVIII–XXI вв.», проведенного кафедрой украиноведения Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина в декабре 2006–январе 2007 гг. В рамках исследования был проведен опрос студентов I курса девяти харьковских вузов (N = 1278). Среди них половина получает гуманитарное или социогуманитарное образование, а другая половина – техническое или естественнонаучное. Мужчин – 36%, женщин – 64%. Большинство респондентов – это бывшие жители городов: до окончания школы проживали в городах-областных центрах 46% опрошенных, в городах-районных центрах или других – 30%, в поселках – 13% и в селах – 11%. Естественно, большинство респондентов (68%) – жители Харьковской области, среди других областей преобладают Донецкая (6%), Луганская, Полтавская (по 5%), Сумская (4%), Днепропетровская и АР Крым (по 2%). В целом представители этих областей составляют 87% опрошенных, остальные области представлены в выборочной совокупности до 1, одним и менее процентов респондентов.

² Чаще всего можно говорить не столько об осознании, сколько о чувстве собственной социальной позиции – «sense of one's place» (Э. Гоффман), которое, по словам П. Бурдьё, ближе к «классовому бессознательному», чем к «сознанию класса» в марксистском смысле (Бурдьё П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993. С. 65). Другое возможное название для них – дискурсивные, такие, которые связаны с определенным видением, интерпретацией социальной реальности – дискурса (см., например: Середа В.В. Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні: Дис...канд. соціол. наук. Киев, 2006).

ставлениях¹. Иными словами, реальные идентичности реальны в смысле структурной определенности и являются выявленными в практиках безотносительно к их различению и обнаружению в языке. Номинальные же идентичности номинальны в смысле различения и обнаружения в языке безотносительно к их «структурному существованию» и выявлению в практиках².

Соответственно, рассматривая *региональную идентичность*, следует в первую очередь поставить вопрос о том, существует и если да, то чем характеризуется региональная идентичность: 1) как совокупность качеств, связанных с местом жительства (идентичность реальная) и 2) как комплекс представлений о принадлежности к жителям определенного региона (идентичность номинальная). К последнему относятся также вопросы актуализации региональной идентичности в сознании (а затем и в поведении).

В любом случае в зависимости от выбранных критериев оказывается возможным говорить о существовании, если не идентичности как таковой, то, как минимум, об определенной позиции в рамках определенной системы классификации. Методологический вопрос, однако, состоит в том, насколько критерии, выбранные исследователем, окажутся значимыми с точки зрения самих индивидов, занимающих эти позиции.

На вопрос о *собственной национальной принадлежности* 5% респондентов воздержались от ответа. Из числа ответивших, украинцами себя считают 73% опрошенных, русскими – 25% опрошенных. Чаще опрошенные используют русский язык, чем украинский, как в собственной семье (67% против 13%), так и вне семьи (80% против 11%)³.

На вопрос «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» (см. табл. 1) абсолютное большинство опрошенных (73%) указали, что в первую очередь ощущают себя гражданами Украины, другие варианты набрали менее 31% ответов каждый, что может свидетельствовать о сильной гражданской идентичности⁴. 31% ответили, что ощущают себя жителями своего города / села / поселка.

Несмотря на то, что собственно региональная идентичность (в первую очередь ощущение себя жителем своего региона) занимает лишь 9 место (13%), мы можем говорить и о существенной региональной идентичности – число тех, кто выбрал вариант принадлежности к жителям своего города / села / поселка или же к жителям своего региона составляет 41%, а оба варианта одновременно выбрал каждый десятый опрошенный.

Достаточно предсказуемыми, учитывая результаты предыдущих исследований⁵, являются высокие показатели альтернатив, связанных с ощущением себя представителем своего поколения (28%) и представителем своей национальности (26%). К последнему следует дать некоторые комментарии. Так, в предыдущих исследованиях фиксировалась высокая степень ощущения себя в первую очередь студентом, что интерпретировалось нами как *влияние ситуации опроса* (проводился непосредственно в учебном заведении) на его результаты. Нынешние же результаты можем интерпретировать как *особенности возрастной группы*, к которой относятся респонденты – молодежь, вероятно, имеет более ограниченный по сравнению со старшим поколением набор устойчивых идентификаций, а принадлежность к своему поколению оказывается одной из наиболее явных, как вообще для данной группы, так и в

¹ Для общества несоответствие реальных и номинальных идентичностей является весьма актуальной проблемой (См., например: Макеев С.А. Социальная мобильность и идентичности в структурной перспективе // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 1999. С. 9–14).

² Об этом, например, говорится в: Мусієздов А. Социальная трансформация сквозь призму изменения идентичностей в украинском обществе // Посткоммунистические трансформации: векторы, изменения, содержание / под. ред. О. Куценко. Харьков, 2004. С. 275–307.

³ Добавим также, что вариантами ответов также были «суржик» (в семье им пользуются 23% опрошенных, вне семьи – 14%) и «другой язык». Респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

⁴ Или национальную, если иметь в виду политическую нацию как административно-территориальную общность граждан определенного государства.

⁵ Гринченко Г., Кравченко В., Мусієздов О., Титар О. Національно-культурна ідентичність жителя «контактної зони» (за матеріалами анкетування студентів–першокурсників Харкова) // Схід – Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. VIII. Харків-Київ, 2006. С. 161–184.

конкретной ситуации опроса. Представляется возможным сослаться также на так называемый «*трансформационный контекст*», который, как считается, во многом определяет процессы, происходящие в нашем обществе. В этом случае подразумевается, что социальные изменения означают преобразования значений социального мира, что приводит к тому, что вместо одного «обобщенного другого» (Дж. Г. Мид) имеются различные и альтернативные «обобщенные другие», чьи образы «теряют выразительность контуров, трудно распознаются или угадываются в результате вовлеченности в общий процесс изменений, а зачастую и вообще отвергаются как нечто, потерявшее авторитет и влияние»¹. По сути, имеет место *кризис легитимации*: инстанциям, которые в «нормальном» обществе обеспечивают единство видения (определение) социальной реальности, отказывается в доверии. Итак, индивиды сами по себе, на свой страх и риск, вынуждены ориентироваться и действовать без четких гарантий и опознавательных знаков в подвижной и непонятной стихии социальной реальности².

Таблица 1

Сравнение ответов на вопрос «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» и «Как бы Вы смогли определить в целом свое самосознание?»
(% к тем, кто ответил)

	Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?	Как бы Вы смогли определить в целом свое самосознание?
Граждане Украины	74	69
Жители своего города, села, поселка	31	4
Представители Вашего поколения	28	18
Представители Вашей национальности	26	17
Представители Вашей профессии	5	3
Православные	18	30
Славяне	15	23
Жители Вашего региона	13	17
Представители людей такого же образования, что и Вы	4	32
Советские люди	3	8
Представители людей той же веры, что и Вы	2	7
«Гражданин мира»	14	15
Европейцы	15	15
Представители людей такого же материального положения, что и Вы	2	3

В связи с этим как раз и фиксируется определенное сужение «своего» социального горизонта (который связан с тем, кому и чему можно доверять, в чем можно найти какое-то более или менее твердое основание для ориентации) – люди узнают и определяют себя и других с помощью или ближайшего окружения (семьи), или с помощью максимально общих и явных характеристик (пол, возраст, язык, этническая принадлежность). Сказанное косвенно подтверждается и тем, что собственно *социальные идентитеты* располагаются в конце списка: в первую очередь ощущают себя представителем людей своей профессии, представителем людей такого же образования или такого же материального положения от 2% до 5% тех, кто ответил.

В то же время о своеобразной актуальности для молодежи отнесение себя к «духовным» или «культурно-духовным» сообществам свидетельствует доля тех, кто чувствует себя пра-

¹ Макеев С.А. Социальная мобильность и идентичности в структурной перспективе // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 1999. С. 12–13.

² См.: Макеев С. А. Социальная мобильность и идентичности в структурной перспективе // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 1999.

вославными (18%) и славянами (15%). Можно отметить, что поскольку славяне чаще трактуются не только как этнокультурная общность, но и как религиозное или даже конфессиональное сообщество, можем считать данные варианты ответа близкими по значению¹, доля тех, кто избрал или тот, или другой вариант, составляет 29%. Те, кто ощущает себя в первую очередь европейцем и «гражданином мира», находятся на одном уровне (15% и 14% соответственно) и существенно отстают от тех, которые могут сравниваться с ними по территориальному или культурному признаку идентичности (гражданская, региональная, национальная).

Сравним рассмотренные нами ответы с ответами на вопрос «Как бы Вы могли определить в целом свое самосознание?». Здесь речь идет об осознаваемых субъективных сходствах, что в большей степени предусматривает *саморефлексию*. Различия, наблюдаемые в ответах на эти вопросы, как раз и позволяют говорить о различиях между, условно говоря, «внешними» и «внутренними» критериями самоотнесения: я могу рассматривать свое самосознание как такое, которое отличается от характерного для тех групп, к которым я принадлежу. Но и в указанном вопросе, как и в вопросе об ощущении собственной принадлежности, на первом месте с большим отрывом от других стоит позиция «гражданин Украины» (69%). Это совпадение может свидетельствовать о том, что Украина вполне состоялась как государство, так как ее граждане чувствуют общность между собой и при этом фактически признают свою связь с ней на уровне самосознания².

В то же время отметим, что ощущение принадлежности к гражданам Украины оказывается выше, чем определение своего самосознания как самосознания гражданина Украины (73% против 69%). Очевидно, соотнесение себя с группами на основании самосознания предполагает, что и выделение этих групп само по себе связано скорее с «духовными» критериями, о чем свидетельствуют и различия в ответах между вопросами. Так, например, большая общность самосознания по сравнению с *самоощущением* наблюдается по таким группам, как *православные* (30% против 18%), *славяне* (23% против 15%), *представители людей такого же образования* (32 против 4%), *советские люди* (8% против 3%), *представители людей той же веры* (7% против 2%)³ – т.е. групп, отношение к которым связано не столько с принадлежностью, объективно фиксирующейся, сколько с личностным самоопределением. Попадание в этот список варианта «жители Вашего региона» (17% против 13%), вероятно – с учетом сказанного – может свидетельствовать о том, что региональная общность рассматривается скорее как общность «духовная», связанная больше с субъективной составляющей самоопределения, нежели с объективной. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что самосознание жителя своего города / села / поселка (что также может интерпретироваться как показатель региональной идентичности) попала в другой список – группу, чье существование, условно говоря «более объективное» (о чем свидетельствует, как мы говорили, большее ощущение общности принадлежности, чем самосознание): *граждане Украины* (73% против 69%), *представители своего поколения* (28% против 18%), *национальности* (26% против 17%), *профессии* (5% против 3%) и – жители своего города / села / поселка (31% против 4%)⁴. Можно лишь предположить, что жители своего города / села / поселка воспринимаются как более «осязаемые» и «конкретные» (поскольку сталкиваться с ними

¹ Что подтверждается высокими значениями коэффициента корреляции Пирсона между этими позициями в ответах на другие вопросы (0,490 – вопрос о степени принадлежности к определенным группам и 0,691 – вопрос о степени важности принадлежать к этим группам).

² Учитывая материалы предыдущих исследований, можем даже сказать, что речь идет о признании себя «продуктами» государства, поскольку гражданское самосознание формируется при существенном участии государства (в частности, в школе в связи с изучением истории Украины и украинскому языку и литературе) (Мусиездов А. Социальная трансформация сквозь призму изменения идентичностей в украинском обществе // Посткоммунистические трансформации: векторы, изменения, содержание / под. ред. О. Куценко. Харьков, 2004).

³ Все различия значимы на уровне 1%.

⁴ Все различия значимы на уровне 1%, кроме альтернативы, касающейся категории, для которой разница значимая на уровне 5%. (31% против 4%).

приходилось / приходится ежедневно), общение с ними гораздо более «реально», чем достаточно абстрактная общность самосознания. Добавим также, что понятие «житель своего города / села / поселка» отсылает к месту происхождения и / или рождения¹, а значит, является предписанным статусом, в то же время «духовные» различия между теми, кто принадлежит к жителям того же населенного пункта, достаточно часто подтверждаются в их повседневных взаимодействиях².

В исследовании респондентам также предлагалось ответить на вопрос «Много ли у Вас общего с ... ?» и «Важно ли Вам принадлежать ...?». Каждая альтернатива оценивалась по пятибалльной шкале, что позволило выявить степень соответствия общности и важности принадлежности к предложенным группам. Ответы, представлены в табл. 2.

Как видим, наибольшие значения в обоих вопросах набирают те же варианты, что и в вопросе «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?». Граждане Украины, жители своего города / села / поселка, национальности, представители своего поколения – т.е. такие, которые характеризуют внешние сходства. Далее идет вариант «жители Вашего региона», а затем варианты: люди такого же социального положения, образования и материального положения, т.е. опять внешние.

Отметим также, что *чувство общности с перечисленными группами выше, чем оценка важности принадлежности к ним*. Это также подтверждает то, что указанные характеристики относятся к принадлежности на основании внешних признаков: «я фактически уже принадлежу к этим группам, поэтому меньше оцениваю важность принадлежности к ним». Даже расположенная в конце списка позиция «советские люди» говорит о том, что некоторые респонденты, хотя фактически и причисляют себя к данной общности, но оценивают важность принадлежности к ней гораздо меньше (что неудивительно).

Кроме этого, в конце списка находятся варианты: европейцы, «граждане мира» и люди своей профессии, причем *оценка важности принадлежности к этим группам выше, чем степень общности с ними*. Можно предположить, что эти сообщества выступают для респондентов, если не целями социальной мобильности (группами, принадлежности к которым следует стремиться), то референтными группами (что особенно ясно видно в случае профессии).

Особо следует отметить попадание варианта «жители Вашего региона» (который, как мы отмечали ранее, может интерпретироваться как имеющий отношение к «духовным» характеристикам) в первую часть списка, в которой присутствуют, как видим, альтернативы, относящиеся к внешним сходствам. Сравнивая этот факт с анализом вопросов о самоощущении и самосознании, можем говорить, что региональная идентичность, очевидно, сочетает в себе как внешние, так и внутренние критерии идентификации.

¹ Последнее часто воспроизводится в разных документах, тем самым напоминая о себе, еще более фиксируя принадлежность. Отметим значимость «места происхождения» для приехавших из других городов.

² Подобная ситуация наблюдается и в отношении двух других логически взаимосвязанных альтернатив – «Представители людей Вашей профессии» и «Представители людей такого же образования, что и Вы» (значение коэффициента корреляции Пирсона между этими позициями в ответах на другие вопросы составляет 0,544 – вопрос о степени принадлежности к этим группам и 0,745 – вопрос о степени важности принадлежать к этим группам). В первом случае общность самосознания несколько меньше самоощущения принадлежности (3% против 5%), во втором – наоборот, существенно больше (32% против 4%). Относительно первого соотношения можно выдвинуть гипотезу о том, что в сознании респондентов (конкретная) профессия рассматривается в инструментальном плане (то есть как некий способ, который, вероятно, мог бы быть и другим), следовательно, самосознание (тем более «самосознание в целом») имеет быть относительно нее частично автономной (напомним, что опрос проводился среди первокурсников). Во втором случае, возможно, имеем проявление того, что, слабо ощущая свою принадлежность к представителям людей того же образования, опрошенные, тем не менее, признают значимость образования для личностного самоопределения, что неудивительно для студентов вузов.

Таблица 2

Сравнение значений альтернатив в вопросах «Много ли у Вас общего с ...?» и «Важно ли Вам принадлежать ...?» (Среднее, среднееквадратическое отклонения)

Объекты идентификации	«Много ли у Вас общего с ...?»		«Важно ли Вам принадлежать ...?»	
	Среднее	Среднеквадратическое отклонение	Среднее	Среднеквадратическое отклонение
Граждане Украины	4.312	0.922	4.163	1.091
Жители своего города, села, поселка	4.093	1.072	3.916	1.204
Представители Вашей национальности	4.066	1.058	4.023	1.166
Представители Вашего поколения*	4.061	1.059	3.747	1.217
Жители Вашего региона**	3.776	1.157	3.659	1.238
Представители людей такого же социального положения, что и Вы *	3.653	1.168	3.233	1.271
Представители людей такого же образования, что и Вы	3.644	1.235	3.444	1.293
Славяне	3.418	1.363	3.354	1.331
Представители людей такого же материаль- ного положения, что и Вы	3.410	1.307	2.886	1.274
Православные	3.276	1.446	3.328	1.507
Представители людей той же веры, что и Вы	3.157	1.485	3.161	1.391
Представители Вашей профессии	3.083	1.205	3.235	1.312
Европейцы*	3.083	1.205	3.235	1.312
«Гражданин мира» *	2.782	1.521	3.232	1.422
Советские люди*	2.024	1.355	1.903	1.256

* Различие значимо на уровне 1% ** Различие значимо на уровне 5%

Связь между предложенными вариантами *самоотнесения* можно проследить с помощью *факторного анализа* рассмотренных признаков, результаты которого представлены в табл. 3.

В случае вопроса о степени общности с предложенными группами было выделено 5 факторов. *Первый фактор* явно описывается социальными характеристиками (материальное положение, профессия, образование, род, социальное положение), *второй* – «духовно-религиозными» (славяне, православные, люди той же веры). *Третий фактор* имеет отношение к региональной идентичности: жители своего города / села / поселка, жители вашего региона и – что интересно – советские люди. То есть принадлежность к советским людям оказывается связанной с региональной идентичностью¹. *Четвертый фактор* – «национально-этнический» (имея в виду нацию как государственно-политическое сообщество – граждане Украины, а национальность как этническую). И *пятый фактор* условно можно назвать «космополитическим», поскольку он содержит в себе признаки «европейцы» и «граждане мира».

Несколько иную картину наблюдаем в случае вопросов о *степени важности принадлежности* к предложенным группам. Здесь есть 4 фактора, причем *первый* и *третий* совпадают с первым и вторым в предыдущем случае, отражающих соответственно «социальные» и «духовно-культурные» характеристики. *Второй фактор* объединяет в себе региональную и национально-этническую идентичность (без позиции «советские люди»). И *четвертый фактор* составляет признак «европейцы» с отрицательной корреляцией с «советскими

¹ Этот вывод некоторым образом подтверждает результаты сравнительных исследований Востока и Запада Украины (Серета В.В. Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні: Дис...канд. соціол. наук. Киев, 2006).

людьми», т.е. «европейцы» и «не-советские люди», что представляется достаточно показательным. Признак «граждане мира» имеет максимальные, но незначительные корреляции с первым («социальным») и третьим («духовно-культурным») факторами. Итак, европейская идентичность ценностно противопоставляется советской, а идентичность «гражданин мира» вызывает у респондентов проблемы с ее интерпретацией.

Анализируя коэффициенты корреляции между рассматриваемыми признаками, можем отметить, что ценностная картина мира (важно принадлежать) представляется респондентам гораздо более размытой по сравнению с реально существующей. В частности, для ключевых для нас признаков «жители Вашего города / села / поселка» и «жители Вашего региона» коэффициент корреляции Пирсона в случае оценки степени принадлежности составляет 0,490, а в случае оценки важности принадлежности – 0,740, что свидетельствует о том, что на ценностном уровне эти позиции рассматриваются как крайне близкие. Так, например, при оценке степени общности признак «представители своей национальности» коррелирует только с «гражданами Украины» (0,421), а при оценке важности принадлежности – с «гражданами Украины» (0,582), «жителями Вашего города / села / поселка» (0,417), «жителями Вашего региона» (0,389), а также – с «людьми той же веры» (0,372), «славянами» (0,333), православными (0,332) и, что интересно, – с «людьми такого же материального положения» (0,307).

Однозначно слабые корреляции наблюдаются здесь лишь с «советскими людьми» и «гражданами мира», что можно интерпретировать как то, что эти категории на ценностном уровне противопоставляются «национальности». Добавим также, что корреляция между признаками «православные» и «люди Вашей веры», которая имеет место в обоих случаях (оценка степени принадлежности и важности принадлежности – соответственно 0,572 и 0,602) косвенно указывает на то, что большинство респондентов являются православными.

Естественные корреляции между оценкой важности принадлежности к определенному сообществу и оценкой степени общности с ней – значения коэффициентов корреляции Пирсона практически для всех групп превышают 0,4. Однако максимальные значения здесь относятся к тем сообществам, которые мы ранее обозначили как «духовные»: «православные» (0,705), «советские люди» (0,653), «славяне» (0,611) и «люди той же веры» (0,601)¹. Это может свидетельствовать о том, что реализация ценностного выбора может рассматриваться как такая, которая не слишком сильно связана с фактической групповой принадлежностью.

Таким образом, на основании проведенного анализа можем сделать такие выводы. Во-первых, тот факт, что опрошенные довольно четко ощущают общность с гражданами Украины и при этом фактически признают свою связь с ними на уровне самосознания, может свидетельствовать о том, что Украина вполне состоялась как государство. Также можем говорить и о существенной региональной идентичности, поскольку связь с территориальной и региональной общностью оказывается довольно высокой. Также и при оценке степени общности и степени важности принадлежности региональная принадлежность (как и городская / сельская) находится среди вариантов, которые имеют наибольшие значения.

Во-вторых, выделяются две группы сообществ, которые отличаются друг от друга тем, что для принадлежности к ним оказываются значимыми соответственно *объективные критерии* принадлежности (гражданство, поколение, профессия, национальная принадлежность) и *субъективные или «духовные»* (вера, конфессиональная принадлежность, «советскость»). При этом принадлежность к жителям своего региона (в отличие от жителей своего города / села / поселка) может расцениваться скорее как основанная на субъективных («духовных») критериях. Это подтверждается и результатами факторного анализа, когда при оценке степени общности региональные характеристики оказались в одном факторе с явно «субъективной» альтернативой «советские люди».

¹ Исключение здесь составляют лишь группы «Жители Вашего региона» и «люди того же образования», которые также оказались ранее среди «духовных», но в которых указаны значения относительно небольшие (0,485 и 0,393 соответственно).

Таблица 3

**Матрица факторных нагрузок признаков «Много ли у Вас общего с ...?» и
«Важно ли Вам принадлежать ...?»**
(Анализ методом главных компонент. Варимакс вращения с нормализацией Кайзера)

	«Много ли у Вас общего с ... ?» (факторы)					«Важно ли Вам принадлежать ...? (факторы)			
	1	2	3	4	5	1	2	3	4
Европейцы	0,154	0,093	-0,170	0,243	0,750	0,305	0,032	0,304	0,623
Граждане Украины	0,085	0,084	0,042	0,817	-0,010	0,139	0,628	0,191	0,463
Представители лю- дей своей национа- льности	0,125	0,188	0,156	0,699	0,117	0,183	0,593	0,407	0,230
Жители своего горо- да / села / поселка	0,164	-0,024	0,683	0,387	-0,131	0,171	0,861	0,029	-0,082
Жители Вашего ре- гиона	0,112	0,100	0,776	0,197	0,010	0,123	0,839	0,121	-0,177
Советские люди	0,063	0,153	0,565	-0,149	0,170	0,160	0,094	0,321	-0,712
«Граждане мира»	0,103	0,084	0,219	-0,096	0,764	0,300	0,072	0,330	0,177
Славяне	-0,011	0,538	0,331	-0,052	0,365	-0,029	0,248	0,648	-0,218
Православные	0,050	0,812	0,090	0,168	0,117	0,080	0,101	0,813	0,003
Представители лю- дей той же веры, что и Вы	0,253	0,803	0,041	0,139	-0,020	0,194	0,045	0,775	0,085
Представители лю- дей такого же мате- риального положе- ния, что и Вы	0,665	0,342	-0,028	0,110	-0,047	0,676	0,090	0,296	0,078
Представители лю- дей Вашей профес- сии	0,706	0,164	0,040	-0,064	0,094	0,789	0,090	0,083	-0,016
Представители лю- дей такого же обра- зования, что и Вы	0,755	0,014	0,110	0,029	0,086	0,828	0,074	0,049	0,010
Представители Ва- шего поколения	0,614	-0,180	0,213	0,251	0,066	0,680	0,240	-0,059	0,064
Представители лю- дей такого же социального поло- жения, что и Вы	0,763	0,080	0,078	0,131	0,106	0,778	0,098	0,155	0,026
<i>Дисперсия фактора</i>	3,809	1,636	1,477	1,189	1,040	4,573	1,886	1,481	1,237
<i>Вклад к суммарной дисперсии(%)</i>	25,392	10,910	9,849	7,928	6,935	30,487	12,574	9,870	8,249

Такие сообщества, как «европейцы» и «граждане мира», хотя и не рассматриваются респондентами как такие, к которым они принадлежат, однако, выступают для респондентов, если не целями социальной мобильности, то референтными группами, поскольку степень важности принадлежности к ним оценивается намного больше степени фактической принад-
лежности. При этом европейская идентичность ценностно противопоставляется советской, а идентичность «гражданин мира», очевидно, вызывает у респондентов проблемы с ее интер-
претацией.

Полученные результаты приводят к ряду теоретических предположений. Поскольку региональная идентичность (принадлежность к гражданам своего региона) во многом основывается на субъективных («духовных») критериях самоотнесения, можно предположить существенную значимость идеологии для региональной идентификации¹.

Напомним, что еще классики марксизма говорили о «классе-в-себе» и «классе-для-себя», где первое – это класс как сообщество, порожденное структурными условиями существования, а второе – класс как общность, осознающая свои классовые интересы, готова к их отстаиванию и способна – будучи вооруженной идеологией как классовым сознанием – их отстаивать, выступая тем самым подлинным субъектом исторического процесса. Первым шагом для превращения «класса-в-себе» в «класс-для-себя» и является фиксация классовых различий. Однако самой этой фиксации оказывается недостаточно, нужна еще и идеология, интерпретирующая место и роль класса в обществе и истории, формулирующая его интересы и намечающая необходимые действия по отстаиванию классовых интересов.

Интерпретация места и роли класса в истории в нашем случае оказывается аналогичной интерпретации места и роли региона (и далее – места и роли его жителей). Речь идет о представлении о том или ином регионе, о его репутации (локальные «бренды») и культурно-символических образах и т.д., как правило, связанных с его историей. Это хорошо видно, когда для обоснования символической ценности города и / или региона обычно прибегают к поиску значимых исторических событий, легенд, личностей, связанных с этим регионом и т.д. (обычно, хотя и не всегда, положительных)².

В самом общем смысле можно говорить о культурно-символической оппозиции «центр – периферия», «высокое – низкое», «культурное – профанное», «элитарное – массовое»³ и т.п., как минимум потому, что считается более выгодным (в разных смыслах) принадлежать к престижному, культурно ценному и дистанцироваться от не престижного, не ценного⁴. Именно на это и направлены стратегии социальной мобильности, связанные с местом проживания: либо стать жителем престижного места, или легитимировать престижность собственного. В русло последней стратегии и вписывается конструирование региональной идентичности. В контексте противопоставлений регионов актуализация идентичности своего региона служит цели предоставления ему значимости. А эта цель является важной не только в психологическом смысле, но и как средство мобилизации граждан (например, в связи с выборами⁵), и как средство перераспределения не только символических, но и вполне материальных благ (размещение или отказ от размещения тех или иных объектов⁶, привлечения туристов, финансирование и т.д.). Поэтому видим сходство между классовой и региональной идеологией как средствами выражения определенных групповых интересов.

¹ Следует, однако, сделать одну поправку: на последних парламентских выборах (2006 г.) бренд Партии регионов, который актуализирует региональную идентичность, оказался популярным именно в тех областях, которые в основном представляют опрошенные, что могло сказаться на результатах исследования.

² Так, например, Харьков в этом отношении обычно рассматривается:

- как «столица Слобожанщины» (один из первых крупных городов в этой местности, сейчас – большой),
- как «Первая столица» (вероятно, теперь уже далеко не все, кто об этом говорит или слышит, знают, что это связано с тем, что в Харькове прошел первый на Украине съезд Советов, провозгласивший Украину Советской республикой; само историческое событие отошло на второй план, а гордое название осталось),
- как город, в котором находится один из старейших в Восточной Европе университет,
- как город, с которым связаны имена Г. Квитки-Основьяненко, К. Шульженко, М. Дунаевского, Л. Гурченко, А. Яковлевой, Я. Клочковой и др.,
- как город, в котором было проведено расщепление атома,
- как город, численность жителей которого около полутора миллиона, и др.

³ Собственно, практически любые социальные различия могут быть представлены через систему этих оппозиций.

⁴ См., например: Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993.

⁵ В обоих случаях речь идет о конструировании определенного сообщества «Мы».

⁶ Например, размещение предприятий, способных обеспечить местных жителей рабочими местами, или неразмещение тех же предприятий, способных ухудшить экологическую обстановку или подорвать архитектурную ценность города, что приведет к оттоку туристов, и т.д.

Как известно, идеологии не складываются стихийно, их создают идеологи (что отличает идеологию как систематическую доктрину от обыденного сознания), а последние большей частью являются городскими жителями. Кроме того, регионы обычно «маркируются» ключевыми населенными пунктами, «региональными столицами», поэтому можно предположить, что именно город «отвечает» за региональную идеологию.

Таким образом, дальнейшее изучение темы региональных идентичностей представляется целесообразным дополнить исследованием идеологий или культурно-исторических мифов, касающихся городов-«региональных маркеров», а также степени их укоренения в представлениях местных жителей. В этом случае мы сможем выяснить тот комплекс представлений, ту систему координат, которые задает региональная идентичность на уровне представлений. И тем самым приблизиться к ответу на, пожалуй, главные социологические вопросы относительно изучения идентичностей: «Как именно переживание собственной идентичности сказывается на поведении?»